

ЕКАТЕРИНА
МОРДВИНЦЕВА

ИНСТРУКЦИЯ
по разморозке мужчин

Екатерина Мордвинцева

Инструкция по разморозке мужчин

<https://litres.ru/74211529>

Аннотация

Меня зовут Лиана. Я маг уюта — да-да, есть и такая специальность. И я так хорошо умею делать дома тёплыми, что однажды это чуть не довело меня до голодной смерти. Кому нужен уют, когда вокруг стреляют файерболлами?

Спасение пришло откуда не ждали: объявление в старой газете. «Няня в ледяное поместье. Оплата высокая. Требуется иммунитет к холоду.» Ну, иммунитет у меня есть, с нервами тоже порядок. А то, что хозяин — суровый вдовец с отвратительным характером, а его дочка боится даже улыбаться... Это же просто работа, правда?

Правда? Тогда почему мне всё время хочется нарушать его дурацкие правила, печь с девочкой печенье и смотреть, как на стенах вместо инея расцветают цветы?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	22
Глава 3	42
Глава 4	60
Глава 5	75
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Глава 1

Всё началось с того, что у меня закончился кофе.

Для мага бытового уюта это не просто бытовая неприятность. Это катастрофа вселенского масштаба. Кофе — это жидкое тепло, это уют в чашке, это единственное, что заставляет мир вокруг тебя казаться дружелюбным в семь утра, когда ты ещё не до конца проснулась, а солнце уже лезет в глаза, хотя его никто не звал.

Я стояла посреди своей съёмной комнаты — спальни, гостиной и кухни одновременно — и смотрела на пустую банку из-под кофе с таким выражением лица, с каким обычно смотрят на письмо от бросившего жениха.

— Ты издеваешься, — сказала я банке.

Банка молчала. Она была пуста, холодна и бездушна, как сердце лорда-дракона из тех романов, которые я тайком читала в Академии. На дне сиротливо лежала одна-единственная кофейная пылинка, но даже её было не собрать — пальцы толстые, а пылинка наглая.

— Ладно, — сказала я, отставляя банку в сторону. — Будем считать это испытанием характера.

Характер у меня, если честно, был так себе. Слишком мягкий для того, чтобы требовать нормальную зарплату, и слишком гордый для того, чтобы просить в долг. Но кофе... Кофе был моей слабостью. Единственной, между прочим.

Ну, ещё плюшки. И те пирожки с мясом, что продают на углу у портала. И те пирожные, которые печёт кондитерская «Сладкая молния» — у них там внутри крем такой, что хочется умереть и воскреснуть, чтобы съесть ещё раз.

Я вздохнула и побрела к умывальнику.

Вода в кране сегодня была ледяной — видимо, сосед снизу опять экспериментировал с магией холода. В прошлый раз он случайно заморозил трубы во всём доме, и мы три дня ходили к колодцу во дворе, как древние предки. В этот раз я решила не рисковать и плеснула на лицо остатками вчерашнего чая. Чай был холодный, но хотя бы жидкий.

— Доброе утро, Зайка, — зевнула я, глядя на стену.

Соломенный зайчик, которого я нарисовала в приступе тоски и магического вдохновения на прошлой неделе, радостно встрепенулся. Он был моим единственным собеседником последние пять дней, если не считать пуговицу. Зайка имел большие уши, глуповатое выражение мордочки и умел говорить только три фразы: «Привет», «Спасибо» и «Как вкусно пахнет». Последнее он говорил всегда, независимо от того, пахло чем-то или нет. Просто для поддержания разговора.

— Привет! — пискнул Зайка. — Как вкусно пахнет!

— Чем? — уточнила я.

— Не знаю, — честно признался Зайка. — Но наверняка чем-то вкусным. Я оптимист.

Я хмыкнула и полезла в шкаф за одеждой. Шкафом на-

зывался деревянный ящик, который предыдущий жилец использовал для хранения картошки. Картошки там больше не было, зато висело моё единственное приличное платье — тёмно-синее, с белым воротничком, купленное на выпускной. С тех пор я его надевала только на собеседования, чтобы выглядеть серьёзно и профессионально.

— Сегодня ты снова пойдёшь в бой, — сказала я платью.

Платье, кажется, вздохнуло. Оно уже устало от этих собеседований не меньше меня.

Когда говорят, что молодому магу легко найти работу, — не верьте. Врут. Особенно если ты не боевик, не целитель и даже не артефактор, а специалист по бытовой магии с уклоном в «усиление уюта».

Звучит-то красиво, да?

Диплом у меня был с отличием. Ещё бы — я единственная на курсе умудрилась сделать так, что экзаменационная комиссия не хотела уходить из аудитории, потому что там было «так тепло и душевно». Профессор Огнегрив, который обычно ставил тройки с такой физиономией, будто делает одолжение, чуть не расплакался, когда я наложила чары на его старый продавленный стул. Стул перестал скрипеть, покрылся мягкой тканью и даже вырастил подлокотники.

— Это... это гениально, — прошептал профессор, садясь на стул и не веря своему счастью. — Я сижу и мне... удобно?

— А ещё чайник заварится сам, если попросите вежливо, — скромно добавила я.

Чайник заварился. Профессор прослезился окончательно.

Но в реальном мире всё оказалось сложнее. В реальном мире никому не нужно, чтобы стул становился удобным. Им нужно, чтобы стул стрелял молниями или хотя бы светился в темноте. А удобство... ну, переживут как-нибудь.

За последний месяц я обошла двадцать три места. Я считала. Потому что больше делать было нечего.

Первое собеседование. Богатый купец искал мага для дома. Я пришла, улыбнулась, продемонстрировала свои способности — в гостиной зацвели цветы, подушки приняли идеальную форму, а сам купец вдруг вспомнил, что он вообще-то любит свою жену, и побежал покупать ей букет. Жена, кстати, наняла меня на следующий же день... убираться на кухне. Потому что «магия магией, а полы мыть всё равно надо». Я отказалась. У меня диплом с отличием, в конце концов!

Пятое собеседование. Богатая дама искала компаньонку. Я пришла, мы пообщались, я случайно сделала её кресло чуть мягче. Дама расчувствовалась и рассказала мне историю всей своей жизни: как она выходила замуж, как муж оказался оборотнем, как она родила тройню, как тройня оказалась тоже оборотнями, как она устала от шерсти на коврах... Я слушала три часа. В конце она обняла меня, назвала «родной душой» и сказала, что вакансия, к сожалению, закрыта — её племянница приехала. Но она оставила мне пирожок. Один.

Девятое собеседование. Трактир «Весёлый дракон». Требовалась официантка с магическими способностями для «ускорения обслуживания». Я пришла, показала, как могу делать так, чтобы посетителям было тепло и уютно даже в самом холодном углу. Хозяин трактира посмотрел на меня, на угол, который внезапно перестал быть холодным, и сказал: «Слушай, а давай ты просто будешь сидеть в этом углу и создавать атмосферу? Типа живой декор? Платить не могу, зато ужин — бесплатно». Я ушла. Хотя ужин, надо признать, был соблазнительным предложением.

Четырнадцатое собеседование. Магазин магических безделушек. Продавщица. Я прoderжалась два дня. Уволили за то, что я «слишком хорошо» продавала товары. То есть я сделала в магазине так уютно, что люди заходили погреться, пили бесплатный чай (я сама заваривала, потому что не могла смотреть, как они мёрзнут), а потом уходили без покупок, но счастливые. Хозяин сказал, что ему нужны продажи, а не счастье клиентов.

— Счастье клиентов — это и есть продажи, — попыталась спорить я.

— Мои клиенты счастливы просто посидеть у тебя на коврике, — рявкнул он. — Они перестали покупать! Им достаточно того, что ты им чай наливаешь!

В общем, двадцать третье собеседование закончилось фразой: «Вы чудесная девушка, но нам нужен кто-то более... агрессивный».

Я возвращалась домой и думала: агрессивный? В бытовой магии? Что дальше — боевой пылесос?

И вот сейчас я сидела за столом, который достался мне вместе с комнатой (стол был кривой, но я его выровняла магией, и теперь он стоял ровно и гордился собой), и раскладывала перед собой своё богатство.

Семь медяков.

Одна пуговица.

Пуговица была латунная, круглая, с красивым узором. Я нашла её на улице неделю назад и почему-то не выбросила. То ли из суеверия, то ли просто потому, что в моей жизни так мало блестящих вещей, что расставаться с ними жалко.

— Итак, — сказала я пуговице, — давай посчитаем.

Пуговица лежала и слушала. Деловая такая пуговица.

— Сегодня среда. До понедельника надо как-то дожить. Хлеб — два медяка. Молоко — три, если повезёт найти не кислое. На чай останется два. Но у меня нет чая. Значит, надо брать не молоко, а чай. Но без молока чай — это просто горячая вода. А горячая вода, если честно, меня уже тошнит.

Я замолчала и уставилась на пуговицу.

— Ты не хочешь одолжить мне до зарплаты?

Пуговица молчала.

— Ну конечно. Все вы такие. Только и умеете, что блестеть, а как до дела — так сразу в молчанку.

Соломенный Зайка на стене захихикал. У него не было чувства такта.

— А ты вообще молчи, — огрызнулась я. — Тебя кормить не надо, вот ты и весёлый.

— Как вкусно пахнет! — оптимистично заявил Зайка.

— Чем?!

— Уютом, — сказал Зайка и довольно заулыбался.

Я вздохнула. Спорить с нарисованным зайцем — это, наверное, был первый звоночек того, что мне срочно нужно либо работать, либо заводить нормальных друзей. Но друзья... После Академии все разъехались. Боевики подались в стражу, целители — в больницы, артефакторы открыли свои мастерские. А я сидела здесь, в комнате с обоями пятидесяти оттенков безнадёги, и разговаривала с пуговицей.

Кстати, об обоях.

Я посмотрела на стену. Когда я только въехала, этот цвет назывался «кофе с молоком». Но, видимо, за годы существования обоев кофе выдохся, а молоко скисло, потому что сейчас это был цвет «уставшая охра». Кое-где обои пузырились, в углу виднелось пятно плесени, похожее на карту неизвестного континента. Я даже дала ему название — Плесневия. Жители Плесневии, судя по очертаниям, были воинственными и любили сырость.

— Надо бы с вами что-то делать, — сказала я обоям.

Обои грустно пошелестели в ответ. Они тоже устали от этой жизни.

Я машинально провела рукой по стене. Ладонь сама соткала тёплое золотистое сияние — моя магия всегда сра-

батывала рефлекторно, если рядом было что-то, требующее уюта. Плесневия на глазах начала бледнеть, пятно уменьшилось, а обои... обои вздохнули с облегчением и стали чуть светлее. Не то чтобы ярко-бежевыми, но уже не такими убитыми.

— Прости, — сказала я стене. — Больше пока ничем не могу. Магию надо экономить, а то ужина не будет.

Стена, кажется, поняла.

Я снова уставилась на пуговицу и семь медяков.

— Ладно, — сказала я решительно. — Так дальше нельзя. Надо что-то менять. Или я иду в магическую стражу и прошусь в боевой отдел. Пусть меня убьют в первой же битве, зато перед смертью накормят.

Пуговица, кажется, одобрительно блеснула. Но я-то знала, что в стражу меня не возьмут. Потому что у меня даже боевого заклинания нет. Максимум, что я могу — это сделать врагу очень тёплое и пушистое одеяло, чтобы ему стало хорошо и он передумал нападать.

— Стратегическое оружие, — пробормотала я. — Усыплю добротой.

Я уже собиралась лечь спать, потому что во сне не хочется есть, а завтрашний день всё равно не сулил ничего хорошего, как вдруг мой взгляд упал на газету.

Газета лежала на подоконнике уже три дня. Я использовала её, чтобы закрывать треснувшее стекло — ветер с улицы дул так, что занавески плясали вальс, а у меня не было денег

на нормальный ремонт. Обычно я газеты не читала — от них пахло типографской краской и плохими новостями. Кто-то погиб, кого-то ограбили, магический рынок упал, цены на ингредиенты выросли. Спасибо, не надо.

Но сегодня краем глаза я заметила кое-что странное.

Красная линия.

Кто-то из предыдущих жильцов (или, может быть, сам хозяин комнаты) обвёл одно объявление жирным красным карандашом. Оно так и бросалось в глаза на серой бумаге — яркое, наглое, почти кричащее.

Я подошла ближе, отлепила газету от стекла (стекло жалобно звякнуло, но не разбилось — характер закалялся) и прочитала:

«Требуется няня в поместье Ледяных Утёсов. Оплата высокая. Условия: жизнь в поместье, крепкие нервы и магический иммунитет к холоду. Обращаться лично к лорду Дамиану Ветрогону, въезд немедленный».

Я прочитала объявление один раз. Потом второй. Потом третий, но уже вслух, чтобы пуговица тоже слышала.

— Ледяные Утёсы, — сказала я задумчиво. — Это же где-то на севере, да? Говорят, там даже летом снег лежит. И ветра такие, что драконы не летают — сдувает.

Пуговица молчала, но я чувствовала — она заинтересована.

— Магический иммунитет к холоду, — продолжила я размышлять. — У меня есть! Потому что если ты маг уюта, тебе

по статусу положено быть тёпленькой. Мы даже в Академии на экзаменах в ледяных пещерах сидели — проверяли, сможем ли мы согреть себя в экстремальных условиях. Я смогла. Мало того, я ещё и преподавателей согрела, и тот момент все хотели сдавать экзамен именно мне.

Зайка на стене встрепенулся:

— Привет! Как вкусно пахнет!

— Каким ещё холодом? — отмахнулась я. — Зайка, не мешай, тут дело серьёзное.

— Крепкие нервы у тебя есть? — не унимался Зайка. Видимо, сегодня он был в философском настроении.

Вопрос был, если честно, сложный. Нервы у меня были... ну, средненькие. Я могла расплакаться над рекламой корма для магических зверей (там такие котята! такие грустные глаза! они просто хотят кушать!). Я могла умилиться до слёз, увидев на улице щенка. А однажды я чуть не взяла домой бездомного ворона, потому что он каркал так жалобно, будто просился на ручки. Ворон, кстати, оказался боевым магом в полиморфе, который просто отдыхал на дереве, и на ручки он не просился, а каркал, потому что у него было плохое настроение. Он на меня тогда обиделся. Сказал, что я нарушаю его маскировку.

— Нервы у меня есть, — твёрдо сказала я Зайке. — Они, может, и не железные, но зато тёплые. А в Ледяных Утёсах это важнее, чем железные.

Я ещё раз перечитала объявление. «Оплата высокая»

— эти слова грели душу лучше любого магического уюта. «Въезд немедленный» — значит, можно уехать прямо сегодня и не платить за эту комнату ещё неделю. Хозяин, конечно, расстроится, но он и так меня не замечал, пока я вовремя платила.

— Пуговица, — сказала я торжественно, — кажется, нам светит переезд.

Пуговица блеснула. Она была согласна.

Сборы заняли пятнадцать минут. Потому что собирать, по сути, было нечего.

Одно приличное платье (синее, с белым воротничком, которое я так и не сняла после собеседования — всё равно переодеться не во что). Два тёплых свитера, связанных бабушкой, которая, к сожалению, уже не могла связать мне ещё и деньги. Расчёска. Зеркальце (треснутое, но я его согрела магией, и оно стало почти как новое). Любимая кружка с надписью «Магу уюта тоже нужно пить» — подарок на выпускной от сокурсников, которые надо мной смеялись, но кружку подарили хорошую.

Плащ. Тёплый, шерстяной, с капюшоном. В теории он мне в Ледяных Утёсах не пригодится — иммунитет к холоду же. Но вдруг? Мало ли. Вдруг этот лорд Ветрогон окажется таким холодным, что даже моя магия не справится. Или вдруг я захочу выйти на улицу и не пугать местных жителей тем, что хожу в одном платье, когда вокруг минус двадцать. Лучше перебдеть.

Я сложила всё в старый рюкзак, который нашла в шкафу (картофельное прошлое шкафа давало о себе знать — рюкзак пах луком, но это даже приятно, луковый запах домашний, уютный), и оглядела комнату.

— Ну что, — сказала я. — Прощай, моя келья. Прощай, кривой стол. Прощайте, обои пятидесяти оттенков тоски.

Обои грустно зашелестели. Кажется, они привыкли ко мне. За три недели я была единственной, кто с ними разговаривал и грел их магией.

— Ты там это... — добавила я. — Не пропадайте. И Плесневию не распускайте. Она хоть и враг, но уже родная.

Я подошла к стене и аккуратно сняла соломенного Зайку. Он был нарисован, но я умела делать свои рисунки почти живыми. Если хорошо попросить, Зайка мог даже перемещаться с места на место, правда, медленно и только по стенам. Но сегодня я решила забрать его с собой.

— Ты как, Зайка? — спросила я, сворачивая его в трубочку. — Не боишься холода?

— Как вкусно пахнет! — бодро ответил Зайка. — Привет!

— Ладно, прорвёмся.

Пуговицу я сунула в карман. На счастье.

На пороге я задержалась. Семь медяков лежали на столе. Я смотрела на них, они смотрели на меня. Потом я вздохнула, забрала два (на дорогу), а пять оставила на столе — с запиской «Хозяину за беспокойство. Простите за внезапный отъезд. Пуговицу не нашла, она моя».

Пуговица в кармане довольно звякнула.

Город встретил меня привычной суетой.

Столица никогда не спала. Маги летали на мётлах, создавая в небе причудливые узоры — некоторые специально выделяли пируэты, чтобы похвастаться мастерством. Торговцы зазывали покупателей, размахивая руками так активно, что казалось, ещё чуть-чуть — и взлетят без всякой метлы. Пахло пирожками, жареной картошкой и магической пылью — местные умельцы продавали её на каждом углу как средство от всего на свете.

— Пыльца единорога! — орал толстый мужичок в клетчатом колпаке. — Добавьте в чай — и магия пойдёт так, что остановить не сможете!

— Она фальшивая, — шепнула мне пуговица.

Я чуть не подпрыгнула.

— Ты разговариваешь?

— А ты только заметила? — удивилась пуговица. — Я всё время разговариваю. Просто ты не слушала.

Я решила не углубляться. Магический мир полон сюрпризов. Если уж соломенный Зайка говорит, то почему бы пуговице не подать голос?

— И давно ты разговариваешь? — уточнила я на всякий случай.

— С тех пор, как ты меня согрела в кармане. У тебя там тепло. И одиноко. Я решила скрасить твоё одиночество.

— Спасибо, — растерянно сказала я.

— Всегда пожалуйста, — важно ответила пуговица и замолчала. Видимо, сказала всё, что хотела.

Я шла по направлению к портальной площади и пыталась не думать о том, что мой бюджет сейчас уменьшится ещё на один медяк. Проход через портал стоил дорого. Очень дорого. Но Ледяные Утёсы находились на севере, в трёх днях пути верхом на грифоне, а грифоны, во-первых, дороже портала, во-вторых, у них характер скверный, а в-третьих, у меня аллергия на грифонов. Ну, не аллергия, но они на меня странно смотрели. Как будто я — еда, которая сама пришла.

— Портал надёжнее, — сказала я себе.

— А деньги? — ехидно спросила пуговица.

— А деньги... заработаем, — твёрдо ответила я. — Там же оплата высокая. И въезд немедленный. Значит, сразу по приезде мне должны выплатить аванс. Так в приличных местах делают.

— Ты уверена, что это приличное место? — усомнилась пуговица.

— Ледяные Утёсы, лорд Ветрогон... Звучит же прилично? — неуверенно сказала я. — Лорд, поместье... Это вам не какая-то забегаловка.

— Ага, — сказала пуговица. — Именно поэтому они ищут няню через газету, а не через гильдию магов. Подозрительно.

Я задумалась. Пуговица была права. Через гильдию нанимать персонал надёжнее — там и проверка кандидатов, и гарантии. Но, с другой стороны, гильдия берёт процент. А

лорд, который ищет няню сам, экономит. Или у него срочно. Или... вариантов было много, и не все хорошие.

Но семь медяков (уже два, скоро останется один) не оставляли выбора.

— Рискнём, — сказала я. — В конце концов, если этот лорд окажется маньяком, я сделаю его логово самым уютным маньячным логовом в мире. Пусть только попробует меня обидеть — совесть замучает, а подушки станут такими мягкими, что он не сможет злиться.

Пуговица хмыкнула, но спорить не стала.

Портальная площадь гудела как растревоженный улей. Десятки магов стояли в очереди, кто-то тащил огромные чемоданы, кто-то вёз клетки с магическими животными (из одной клетки на меня посмотрел грустный дракончик размером с кошку и чихнул огнём), кто-то просто стоял и ругался с оператором.

Я подошла к окошку с табличкой «Северное направление».

— Мне до Ледяных Утёсов, — сказала я, стараясь звучать уверенно.

Оператор — женщина с такими уставшими глазами, будто она работала здесь со дня основания порталов — посмотрела на меня без всякого интереса.

— Сто двадцать медяков.

— Сколько?! — Я подавилась воздухом.

— Сто двадцать. Ледяные Утёсы — дальняя зона. Там

даже порталы мёрзнут, приходится тратить дополнительную энергию на обогрев канала.

Я судорожно пересчитала свои богатства. Два медяка. Два.

— А... подешевле есть варианты? — жалобно спросила я.

— Пешком, — флегматично ответила женщина. — Три дня на север, через Забытый лес, мимо кладбища драконов и через Перевал Сломанных Надежд. Рекомендую.

Я представила себе этот маршрут. Забытый лес — там водятся такие твари, что даже твари боятся туда заходить. Кладбище драконов — ну, там просто кости, но кости эти оживают, если на них наступить. А Перевал Сломанных Надежд... судя по названию, надежда умирает именно там.

— А может... — начала я.

— Девушка, — перебила оператор, — либо платите, либо освобождайте очередь. За вами люди.

Люди за мной, кстати, не стояли. Но спорить было бесполезно.

Я отошла от окошка и села прямо на мостовую. Рюкзак с Зайкой внутри жалобно хрустнул.

— Ну вот, — сказала я пуговице. — Приехали. Два медяка. Даже на хлеб не хватит, не то что на портал.

Пуговица молчала. Ей тоже было грустно.

И тут произошло чудо.

— Ледяные Утёсы? — раздался голос сверху.

Я подняла голову. Надо мной стоял молодой парень в

форме курьера — такие носят срочные письма и небольшие посылки через порталы. У него было веснушчатое лицо и огромный рюкзак за спиной.

— Д-да, — заикаясь, ответила я.

— Мне как раз туда, заказ. Доставка срочная, портал уже оплачен. Место есть, могу подбросить. За пять медяков.

Я посмотрела на него с подозрением.

— А почему так дёшево?

— Потому что портал всё равно оплачен, а одному скучно лететь. Болтать буду. Вы как, разговорчивая?

Я подумала о Зайке, пуговице и своей привычке разговаривать с мебелью.

— Очень, — честно сказала я.

— Договорились. По рукам?

Я протянула ему два медяка.

— У меня только два. Остальное потом, на месте? — я зажмурилась, ожидая отказа.

Парень пожал плечами:

— Ладно, два так два. Повезло тебе, что я сегодня добрый. Пошли, портал через пять минут.

Я вскочила и побежала за ним, на ходу благодаря всех богов, какие только есть в этом мире.

У порталной арки было холодно. Магический ветер тянул оттуда, где пространство сворачивалось в воронку, и казалось, что вот-вот засосёт.

— Ты там держись, — сказал курьер. — Первый раз?

— Нет, — соврала я. На самом деле через портал я летала всего дважды — на практику в Академии, и то рядом, в соседний город.

— Не дрейфь, — усмехнулся парень. — Главное — думать о тёплом.

Я хмыкнула. Думать о тёплом — это я умела.

На секунду я закрыла глаза и представила себе поместье Ледяных Утёсов. Каким оно будет? Мрачным замком с обледеневшими башнями? Или красивым дворцом из снега и хрусталя?

— Всё, прыгаем! — крикнул курьер и подтолкнул меня в спину.

Я шагнула в сияние.

Исчезла суeta столицы, исчез запах пирожков и магической пылицы. Остался только холодный ветер и чувство, что впереди — что-то новое.

Очень надеюсь, что не слишком холодное.

— Ну, Ледяные Утёсы, — прошептала я, сжимая в кармане пуговицу. — Встречайте свою самую тёплую няню.

Пуговица одобрительно блеснула.

А Зайка внутри рюкзака радостно пискнул:

— Привет! Как вкусно пахнет!

— Чем? — спросила я, уже зная ответ.

— Приключениями! — заявил наглый заяц.

И я улыбнулась.

В конце концов, что может пойти не так?

Глава 2

Если вам когда-нибудь скажут, что путешествие через портал — это приятный полёт сквозь разноцветные облака под аккомпанемент волшебной музыки, — плюньте этому человеку в лицо. Или в душу. Потому что врать нехорошо.

На самом деле портал — это когда тебя выкручивают, как мокрую тряпку, выворачивают наизнанку, потом собирают обратно, но в процессе забывают про пару рёбер. У меня после каждого портала чесалась левая пятка и хотелось чихать. Почему пятка? Спросите у магов пространства, я не в курсе.

Когда сияние рассеялось, я обнаружила себя стоящей по колено в снегу.

— Ой, — сказала я.

Снег был настоящий, белый и пушистый, и он падал с неба огромными хлопьями. Падал он прямо на меня, потому что крыши над головой, как выяснилось, не было вообще.

Я огляделась.

Мы стояли посреди заснеженного поля. Курьер рядом со мной отряхивал рюкзак и матерился сквозь зубы — судя по интонациям, профессионально и с душой. Вдалеке, на вершине скалистого холма, виднелось нечто, отдалённо напоминающее дом.

— Это оно? — спросила я, кивая в сторону строения.

— Ага, — буркнул курьер. — Поместье Ледяных Утёсов.

Дальше сама. Мне туда не надо, у меня посылка в соседнюю деревню. Сказали, здесь портал откроется прямо у ворот. А открылся вон где. Полчаса топать. Магия, блин, пространственная, чтоб её.

— Спасибо, что подбросил, — искренне сказала я. — Долг за портал я... ну, когда-нибудь.

— Забей, — махнул рукой курьер. — Два медяка тоже деньги. Удачи там. Слышал я про этого лорда... — он замаялся.

— Что слышал? — насторожилась я.

— Да ничего конкретного. Просто мужик странный. После смерти жены затворился в поместье, никого не пускает, слуги оттуда бегут через месяц. Ты третья няня за полгода, кажется.

— Третья? — переспросила я.

— Ага. Первая, говорят, уволилась через неделю. Вторая через три дня. Ты, значит, четвёртая. Ну или третья, если считать по-другому. В общем, не знаю. Бывай!

И он исчез в порталной вспышке, оставив меня одну посреди белой пустыни.

Я посмотрела на поместье. Поместье смотрело на меня своими тёмными окнами и явно не собиралось становиться ближе.

— Ну что, — сказала я пуговице. — Идём знакомиться с нашим новым работодателем.

Пуговица в кармане нервно звякнула.

Зайка в рюкзаке проснулся и радостно заявил:

— Как вкусно пахнет!

— Чем? — уныло спросила я.

— Снежками! — бодро ответил наглый заяц.

Топать по снегу оказалось тем ещё удовольствием.

Во-первых, снега было выше колена. Во-вторых, под снегом прятались коряги, камни и прочие радости жизни, норовившие подставить подножку. В-третьих, магический иммунитет к холоду — это, конечно, замечательно, но он почему-то не спасал от того, что снег попадал за шиворот и таял там холодными ручейками.

Я проклинала всё на свете, пробираясь к холму. Плащ, который я так предусмотрительно взяла, быстро промок и отяжелел. Рюкзак больно бил по спине. В голове вертелась мысль: «А не повернуть ли назад?»

Но назад было некуда. Позади только поле, а впереди — работа. И, надеюсь, горячий ужин.

Чем ближе я подходила, тем отчётливее понимала: поместье действительно мрачное.

Это было трёхэтажное здание из серого камня, с узкими окнами-бойницами и остроконечными башенками по углам. Над главным входом красовался герб с изображением снежинки и волка. Или это был не волк, а просто пятно? Снег шёл так густо, что я не могла разглядеть детали.

Вокруг поместья не росло ни деревца, ни кустика — только голые скалы и бесконечный снег. Казалось, даже само

небо над этим местом было какого-то серо-белого цвета, без намёка на солнце.

— Уютненко, — прокомментировала пуговица.

— Ты иронизируешь? — уточнила я.

— Учусь у тебя.

Я вздохнула и подошла к воротам. Ворота были кованые, высотой метра три, с острыми пиками сверху — чтобы неповадно было лезть. Я дёрнула за ручку. Закрыто.

Ни звонка, ни молоточка, ни даже верёвочки с колокольчиком. Как тут вообще люди попадают внутрь?

Я постучала кулаком. Тишина.

Постучала сильнее. Тишина.

— Эй! — крикнула я. — Есть кто живой?

В ответ — только вой ветра и снег, летящий в лицо.

— Может, здесь вообще никого нет? — с надеждой спросила я пуговицу. — Может, я развернусь и уйду, пока не замёрзла?

— Ты не замёрзнешь, — напомнила пуговица. — У тебя иммунитет.

— Я в переносном смысле!

В этот момент ворота со скрипом открылись сами. Медленно, с таким зловещим звуком, будто в старых страшных сказках, когда герой входит в замок вампира и уже через пять минут понимает, что зря он это сделал.

— Спасибо, — вежливо сказала я неизвестному открывателю.

Изнутри донёлся низкий голос:

— Заходите. И закройте за собой. Не топить же всё поместье из-за одной няни.

Голос был... как лёд. Холодный, ровный, без единой эмоции. Но красивый. Такой голос мог бы принадлежать диктору на королевском радио или магу, который читает лекции в Академии, но слишком устал от жизни, чтобы вкладывать в слова чувства.

Я шагнула внутрь.

Внутри оказалось ещё холоднее, чем снаружи.

Я не шучу. Снаружи хотя бы снег падал, ветер дул, какая-то жизнь теплилась. Внутри же царила такая ледяная тишина, что, казалось, даже звуки замерзли на лету и падали на пол хрустальными осколками.

Холл поместья был огромным — с высоченными потолками, каменными стенами и лестницей, уходящей куда-то наверх. На стенах висели картины в тяжёлых рамах, но разглядеть, что на них изображено, было невозможно — всё покрывал слой инея.

В центре холла стоял он.

Лорд Дамиан Ветрогон собственной персоной.

И вот тут, дорогие мои, случилось то, чего я никак не ожидала.

Потому что, когда говорят «мужчина с отвратительным характером», обычно представляешь себе кого-то страшно-го. Ну, знаете: шрамы на лице, кривой нос, злобный прищур.

Чтобы сразу было понятно — характер плохой, и внешность под стать.

А тут...

Лорд Ветрогон был красив.

Нет, не так. ОН БЫЛ КРАСИВ. Я даже замерла на месте, пытаюсь осознать этот факт.

Высокий. Широкие плечи. Тёмные волосы с проседью на висках — но седина не старила, а делала его каким-то... благородным, что ли. Лицо — точеное, с резкими скулами, прямым носом и тёмными бровями. А глаза... глаза были самого невероятного цвета — серо-голубые, как лёд на глубоком озере, и такие же холодные.

На нём была простая рубашка и тёплый жилет, но даже в этой домашней одежде он выглядел так, будто сошёл с портрета какого-нибудь древнего короля.

— Вы няня? — спросил он тем самым ледяным голосом, и я вздрогнула.

— А? Что? Да! — Я замахала руками, пытаюсь собраться. — То есть да. Я Лиана Ветроцвет. Дипломированный маг бытового уюта. По объявлению.

— Ветроцвет, — повторил он, и в его голосе послышалась ирония. — Забавная фамилия.

— У дедушки чувство юмора было специфическое, — ляпнула я и тут же прикусила язык. Нельзя фамиллярничать с работодателем. Тем более с таким... пугающим.

Но лорд Ветрогон, кажется, даже не заметил моей глупо-

сти. Он окинул меня взглядом с головы до ног — мокрый плащ, растрёпанные волосы, рюкзак с торчащим ухом Зайки — и поморщился.

— Вы опоздали.

— Портал высадил в поле, — честно сказала я. — Пришлось топать.

— Мне всё равно. — Он развернулся и пошёл вглубь холла. — Идите за мной. Не отставайте и ничего не трогайте.

Я послушно поплелась за ним, стараясь не скользить на ледяном полу. Сапоги предательски скрипели по наледи.

— У вас тут всегда так... хмм... прохладно? — осторожно спросила я.

— Всегда, — отрезал он.

— А можно как-то... ну, подтопить? Печку там, камин?

Он резко остановился и обернулся. Я чуть не врезалась в него.

— Вы маг уюта, — сказал он ледяным тоном. — Вот и топите. Если сможете.

И пошёл дальше.

Я проводила его взглядом и тихо спросила у пуговицы:

— Он всегда такой... приятный в общении?

— Судя по легенде, да, — прошептала пуговица.

— Весело.

Мы вошли в комнату, которую лорд, видимо, использовал как кабинет. Здесь тоже было холодно, но хотя бы стояла мебель — огромный стол, кресла, шкафы с книгами. На столе

лежали бумаги, чернильница замерзла, а перо стояло в ней, вмерзнувшее в лёд.

Лорд Ветрогон сел в кресло и жестом указал мне на стул напротив.

Я села. Стул был ледяным. Буквально. Я чувствовала холод даже сквозь одежду, хотя магия иммунитета работала на полную катушку.

— Ваше резюме, — сказал он, протягивая руку.

— Я... эээ... не взяла, — призналась я. — Думала, при личной встрече расскажу.

— Рассказывайте.

И он уставился на меня своими ледяными глазами. Взгляд был такой, что, казалось, ещё секунда — и я превращусь в сосульку.

Я глубоко вздохнула и начала:

— Меня зовут Лиана Ветроцвет. Двадцать три года. Окончила Академию Бытовой Магии с отличием. Специализация — усиление уюта. Могу сделать любое помещение тёплым и светлым, физически и эмоционально. Умею готовить, убирать, заниматься с детьми. Имею магический иммунитет к холоду. Не замужем. Детей нет. Жила в столице. — Я замолчала, соображая, что ещё сказать.

— Что значит «усиление уюта»? — спросил он.

— Ну, — я замялась, — это значит, что я делаю пространство вокруг... комфортным. Чтобы людям было приятно находиться. Чтобы дом чувствовался домом, а не просто зда-

нием.

— Чушь, — отрезал лорд. — Магия не может сделать дом домом. Дом — это место, где живут люди. А если людей нет — это просто стены.

Он сказал это так горько, что у меня на секунду сжалось сердце. Но тут же вспомнила — нельзя его жалеть. Он сам запретил.

— Возможно, — дипломатично сказала я. — Но я могу сделать стены чуть теплее. И пол. И вообще всё вокруг.

Он смерил меня взглядом.

— Покажите.

— Что показать?

— Свою магию. Сделайте что-нибудь.

Я огляделась. Вокруг был лёд и холод. Идеальная площадка для демонстрации.

Я встала, подошла к подоконнику (он был покрыт толстой коркой льда) и положила на него ладонь.

Магия потекла тёплым золотистым светом. Я не напрягалась — это было так же естественно, как дышать. Лёд под ладонью начал таять, но не превращаясь в лужу, а просто... исчезая. Через минуту подоконник был чистым и даже чуть тёплым. Я погладила его, и дерево благодарно зашкрипело — ему явно понравилось.

Потом я обвела рукой комнату. Чуть-чуть, самую малость — просто чтобы показать. Воздух стал мягче, свет из окна — теплее, а стул, на котором я сидела, перестал быть ледяным и

превратился в обычный деревянный стул, на котором вполне можно сидеть без риска для здоровья.

Лорд Ветрогон наблюдал за мной с непроницаемым лицом.

— Достаточно, — сказал он, когда я закончила. — Садитесь.

Я села. Чувствовала себя почему-то первокурсницей на экзамене.

— Вы наняты, — сказал он. — Жалованье — пятьдесят золотых в месяц. Проживание, питание за счёт дома. Выходной — один день в неделю, по согласованию.

У меня глаза полезли на лоб. Пятьдесят золотых?! Да за эти деньги можно снять приличный дом в центре столицы и питаться в ресторанах!

— Я... эээ... согласна, — выдохнула я.

— Хорошо. — Он выдвинул ящик стола и достал оттуда толстую пачку бумаги. — Вот список правил. Ознакомьтесь и подпишите.

Я взяла бумаги в руки. Это был не список. Это был ТОМ.

— Здесь пятьдесят пунктов, — сказал он. — Выучите наизусть. Нарушение любого пункта ведёт к немедленному увольнению без выплаты жалованья.

Я пролистнула несколько страниц. Мелким убористым почерком были исписаны листы. «Пункт 1. Запрещается входить в крыло поместья, где расположены личные покои лорда, без письменного разрешения. Пункт 2. Запрещается тро-

гать вещи, принадлежавшие покойной леди Ветрогон...»

Я подняла глаза на лорда. Он сидел с каменным лицом.

— Пункт 7, — продолжил он, видя, что я читаю. — Запрещается задавать личные вопросы лорду или обсуждать его прошлое. Пункт 12. Запрещается пытаться «исцелить» лорда душевными разговорами, сочувствием или попытками развлечь. Пункт 19. В детской комнате должна поддерживаться температура не выше пяти градусов тепла.

— Пяти градусов? — переспросила я, не веря своим ушам. — Но ребёнку нужно тепло!

— У Мии магия льда, как у меня, — отрезал он. — Ей холод полезен. Тепло расслабляет и мешает развитию способностей.

Я хотела возразить, но сдержалась. Пока рано. Надо сначала втереться в доверие.

— Пункт 34, — продолжал он. — Никакой самостоятельности в воспитании. Все методы согласовывать со мной письменно за три дня. Пункт 41. Запрещается приносить в поместье посторонние магические предметы без досмотра.

Я вспомнила про Зайку в рюкзаке и пуговицу в кармане. Они считаются посторонними магическими предметами? Зайка — да, он живой, насколько это слово применимо к нарисованному зайцу. Пуговица... она просто разговаривает. Это считается?

— И самый главный пункт, номер пятьдесят, — голос лорда стал ещё холоднее, если такое вообще возможно. — Вы

здесь, чтобы заботиться о ребёнке. Не обо мне. Не о доме. Не о том, что случилось в прошлом. Моя дочь должна быть сыта, одета, в безопасности. Всё остальное вас не касается. Вы меня поняли?

Я кивнула.

— Словами.

— Да, лорд Ветрогон. Я поняла.

— Подписывайте.

Он протянул перо. Я взяла его — и чуть не уронила. Перо было ледяным настолько, что обжигало пальцы. Пришлось быстро согреть его магией, чтобы вообще удержать.

Я поставила подпись в конце списка. Моя рука чуть дрожала — то ли от холода, то ли от осознания, во что я ввязалась.

— Хорошо. — Он забрал бумаги и убрал их обратно в ящик. — Ваша комната на втором этаже, третья дверь направо. Детская — рядом. Мия сейчас там, с няней. Предыдущей. Она уезжает завтра утром, вы пока понаблюдаете, как она работает.

— Предыдущая няня ещё здесь? — удивилась я.

— Да. Предыдущая продержалась три дня. Вы будете работать с ней сегодня и завтра, чтобы перенять опыт. — Он встал. — Сейчас вас проводит экономка.

Он щёлкнул пальцами, и в дверях возникла женщина. Пожилая, сухая, с лицом, напоминающим замороженную рыбу. Одетая в тёплое платье и шаль, но даже шаль, кажется, была

ледяной.

— Марта, — сказал лорд. — Проводите няню в её комнату. И покажите детскую.

— Слушаюсь, милорд, — проскрипела женщина и повернулась ко мне. — Идёмте, милочка.

Я встала, поклонилась лорду Ветрогону (он даже не кивнул в ответ) и вышла за экономкой.

Марта оказалась женщиной немногословной. Она шла по коридору быстрым шагом, цокая каблуками по ледяному полу, и даже не оборачивалась, проверяю, иду ли я за ней.

— Сколько вы здесь работаете? — спросила я, чтобы нарушить тишину.

— Двадцать лет, — ответила Марта, не сбавляя шага.

— Ого! И как вам?

— Холодно.

Я подавила улыбку. Похоже, юмор здесь не в почёте.

— А лорд... он всегда такой? — рискнула спросить я.

Марта резко остановилась и повернулась ко мне. Её лицо было суровым.

— Милочка, если хотите продержаться здесь больше недели, запомните главное: не лезьте в душу к лорду, не спрашивайте про леди и делайте свою работу. Всё остальное — не ваше дело. Ясно?

— Ясно, — быстро сказала я.

— Вот и умница. — Марта снова пошла вперёд. — Комната ваша будет вот здесь.

Она открыла дверь, и я вошла внутрь.

Комната оказалась... ну, как бы это помягче... спартанской. Кровать, стул, стол, шкаф. Всё деревянное, покрытое инеем. Окно выходило во двор — на бесконечное белое поле. На подоконнике лежал слой снега.

— Топить не разрешается, — предупредила Марта. — Лорд не любит тепло. Сказал, от тепла магия слабеет. Но вам же иммунитет положен, так что не замёрзнете.

— А... ну да, — растерянно сказала я. — Не замёрзну.

Марта кивнула и пошла дальше по коридору.

— Детская рядом. Вот сюда.

Она открыла соседнюю дверь, и я заглянула внутрь.

Комната была... детской. То есть там стояла кроватка, игрушки, столик для рисования. Но всё это было покрыто инеем, а в углу комнаты висели настоящие сосульки. На полу лежал снег. В кроватке, закутанная в несколько одеял, спала маленькая девочка.

— Это Мия, — прошептала Марта. — Ей пять лет. Хорошая девочка. Тихая. Почти не разговаривает.

— Почему? — спросила я.

— А с кем разговаривать? — Марта пожала плечами. — Отец всё время в кабинете, слуги боятся заходить, прежние няни быстро увольнялись. Вот и молчит.

У меня внутри всё перевернулось. Маленькая девочка, молчит, потому что не с кем поговорить... Это же ужас.

— А сейчас где няня? — спросила я.

— Отдыхает. Она уже упаковала вещи. Завтра утром уезжает. Вы пока просто посидите здесь, посмотрите, как Мия просыпается, как ест. Всё запишите. Я принесу ужин позже.

Марта вышла, оставив меня одну в детской.

Я подошла к кровати и посмотрела на девочку.

Мия была очень похожа на отца — те же тёмные волосы, те же точеные черты лица. Но во сне она выглядела не холодной, а беззащитной. Маленькой девочкой, которой нужна мама.

— Привет, малышка, — прошептала я. — Я Лиана. Буду твоей новой няней. Надеюсь, мы подружимся.

Мия во сне вздохнула и повернулась на другой бок.

Я оглядела комнату. Холодно, неуютно, игрушки лежат нетронутые. На столике — замерзшие краски и кисточка, вмёрзшая в стакан с водой.

— Так, — сказала я шёпотом. — Работаем.

Я знала, что нарушаю правила. Мне было плевать.

Я положила ладонь на кровать Мии и пустила магию совсем чуть-чуть, самую малость. Чтобы одеяла стали мягче. Чтобы воздух вокруг девочки стал чуть теплее — градуса на два, не больше. Чтобы ей снились хорошие сны.

Мия улыбнулась во сне.

Потом я подошла к столику с красками. Вода в стакане оттаяла, краски стали мягкими. Я поставила их так, чтобы Мия, когда проснётся, могла сразу начать рисовать.

Сосульки в углу я трогать не стала — это было бы слиш-

ком заметно. Но проходя мимо, чуть согрела воздух, чтобы они хотя бы не росли дальше.

— Что ты делаешь? — прошептала пуговица из кармана.

— Создаю уют, — так же шёпотом ответила я.

— Лорд запретил.

— Лорд запретил с ним разговаривать и лезть в его душу.

Про ребёнка ни слова не было.

— Хитрая, — одобрила пуговица.

— Учусь выживать.

Зайка в рюкзаке завозился, явно собираясь что-то сказать, но я прижала рюкзак рукой.

— Тихо, — сказала я. — Потом.

Зайка обиженно замолчал.

Я села на стул рядом с кроваткой и стала ждать, когда Мия проснётся.

Мия проснулась через час.

Сначала она просто открыла глаза и уставилась в потолок. Потом медленно повернула голову и увидела меня.

Я улыбнулась самой тёплой улыбкой, на которую была способна.

— Привет, Мия. Я Лиана. Новая няня.

Девочка молчала. Смотрела на меня огромными серо-голубыми глазами — точно такими же, как у отца — и молчала.

— Я не кусаюсь, — сказала я. — Честно. И вообще, я магу юта. Знаешь, что это значит?

Мия мотнула головой.

— Это значит, что я делаю всё вокруг тёплым и приятным. Хочешь, покажу?

Она кивнула, но с опаской.

Я подошла к её плюшевому мишке, который сидел в углу кровати. Бедный мишка был весь в инее и выглядел так, будто его только что достали из морозилки. Я погладила его, и мишка стал мягким, пушистым и даже чуть тёплым.

— Держи, — я протянула его Мие.

Мия взяла мишку, прижала к себе и... впервые за долгое время улыбнулась.

У меня от этой улыбки сердце растаяло.

— А теперь, — сказала я, — давай-ка позавтракаем. Ты, наверное, голодная?

Мия кивнула.

— Вот и отлично. Я, правда, не знаю, где тут кухня... Но мы что-нибудь придумаем.

Я взяла Мию за руку (ручка была холодной, но я незаметно согрела её своей магией), и мы вышли из детской.

В коридоре стояла Марта.

— А вы куда? — строго спросила она.

— Завтракать, — ответила я.

— Завтрак в восемь утра, по расписанию, — отрезала Марта. — Сейчас только семь. Надо ждать.

— Мия проснулась, — сказала я. — Она голодна.

— Расписание составил лорд лично, — Марта скрестила

руки на груди. — Нарушать нельзя.

Я посмотрела на Мию. Девочка снова стала серьёзной и спряталась за меня.

— Марта, — сказала я как можно мягче. — Я понимаю, что есть расписание. Но ребёнок не должен ждать еду. Это неправильно.

— Неправильно нарушать приказы лорда.

— А если Мия расплачется? Лорд будет недоволен.

Марта задумалась. Видимо, перспектива недовольного лорда её пугала.

— Ладно, — сдалась она. — Идите на кухню. Я скажу повару.

И мы пошли.

Кухня в поместье оказалась единственным местом, где было относительно тепло. Здесь работала магия — огромная печь, которая топилась дровами и какими-то магическими кристаллами.

Повар — толстый добродушный мужчина по имени Грегор — встретил нас с улыбкой.

— О! Новая няня! А это наша маленькая Мия. — Он погладил девочку по голове. — Кушать хочешь, красавица?

Мия кивнула.

— Сейчас организуем. — Грегор засуетился у печи. — Кашка с ягодами, булочка с корицей, молоко тёплое. Идёт?

— Идёт, — сказала я, чувствуя, что у самой слюнки текут. Я не ела со вчерашнего дня, если не считать засохшей булки,

которую нашла в рюкзаке.

Мы сели за маленький столик в углу кухни. Мия ела молча, но с аппетитом. Я сидела рядом и смотрела на неё.

— Ты всегда молчишь? — спросила я.

Мия кивнула.

— А если очень хочется что-то сказать?

Она пожала плечами.

— Понимаю, — сказала я. — Иногда я тоже молчу, хотя хочется говорить. Но знаешь, что я делаю?

Мия подняла на меня глаза.

— Я рисую. Или разговариваю с пуговицей.

Мия улыбнулась. Кажется, идея про пуговицу ей понравилась.

— Хочешь, после завтрака пойдём рисовать? — предложила я. — Я видела, у тебя краски есть. Хорошие, между прочим.

Мия кивнула, и в её глазах загорелся огонёк.

В этот момент в кухню вошёл лорд Ветрогон.

Он остановился на пороге и обвёл взглядом картину: мы с Мией сидим за столом, едим кашу, и вокруг нас... тепло.

Буквально. Я не заметила, как, согревая Мию, согрела и всё вокруг себя. В радиусе метра от нас воздух был почти комнатной температуры.

Лорд посмотрел на это, и его лицо потемнело.

— Что здесь происходит? — спросил он ледяным тоном.

— Завтрак, — спокойно ответила я. — Мия проснулась

голодной. Марта сказала, что завтрак по расписанию только в восемь, но я решила, что ребёнок важнее расписания.

— Я составлял это расписание, — отрезал он. — И я лучше знаю, что нужно моей дочери.

Мия испуганно вжалась в стул и спряталась за меня. Я положила руку ей на плечо, успокаивая.

— Лорд Ветрогон, — сказала я как можно ровнее. — Я няня. Я здесь, чтобы заботиться о вашей дочери. И первое, что нужно ребёнку — это еда, когда он голоден.

Глава 3

Я проснулась от собственного храпа.

Ну, не то чтобы храпа. Скорее, от звука, похожего на то, как если бы дракончик чихнул в подушку. Но всё равно было неловко.

— Ты храпишь, — констатировала пуговица из кармана куртки, висящей на стуле.

— Я не храплю, — возмутилась я, садясь на кровати. — Я... дышу с выражением.

— С очень громким выражением.

Я зарылась лицом в ладони и попыталась вспомнить вчерашний вечер.

После того памятного завтрака на кухне, когда лорд Ветрогон застучал нас с Мией за нарушением расписания, я ожидала, что меня уволят прямо на месте. Но он почему-то промолчал, только сверкнул глазами и ушёл, оставив после себя облачко ледяного пара.

Марта потом сказала, что это очень плохой знак. Что когда лорд молчит — значит, он копит гнев. Что мне лучше не попадаться ему на глаза ближайшую неделю.

— Отличное начало, — вздохнула я, вспоминая это.

— Зато ты жива, — философски заметила пуговица. — И при работе.

— И то хлеб.

Я встала с кровати и чуть не подпрыгнула — пол был ледяным. Даже сквозь магический иммунитет я чувствовала этот холод. Он был каким-то... агрессивным, что ли. Будто пол специально хотел меня укусить.

— Доброе утро, комната, — сказала я на всякий случай.

Комната не ответила. Она вообще была неразговорчивая, в отличие от моей предыдущей квартиры. Там хотя бы обои шелестели.

Я быстро умылась (вода в кувшине замёрзла, пришлось разогревать магией), оделась и причесалась перед треснутым зеркалом. Зайка из рюкзака высунул ухо и спросил:

— Как вкусно пахнет?

— Ничем, Зайка. В этом доме вообще ничем не пахнет. Воздух тут стерильный, как в операционной.

— А должно пахнуть? — удивился Зайка.

— Должно. Пирóгами, например. Или цветами. Или хотя бы пылью. А здесь... — я приняхалась. — Здесь пахнет только холодом.

— Это какой-то особый запах? — не унимался Зайка.

— Это запах одиночества, Зайка. Запоминай, может, пригодится.

Зайка задумался и убрал ухо обратно в рюкзак. Видимо, запах одиночества его не впечатлил.

Я поправила платье, глубоко вздохнула и вышла в коридор.

В коридоре было тихо.

Не просто тихо, а ТИХО. Слышно было, как снег падает за окнами. Как где-то далеко скрипит половица под чьими-то шагами. Как моё собственное сердце бьётся — и то слишком громко для этого места.

Я пошла в сторону детской, стараясь ступать бесшумно. Но ледяной пол предательски хрустел под ногами, и каждый мой шаг звучал как выстрел.

Дверь в детскую была приоткрыта.

Я заглянула внутрь и увидела Мию.

Девочка сидела на кровати, обхватив колени руками, и смотрела в окно. На ней была тёплая пижамка, но даже сквозь неё было видно, как она напряжена. Плюшевый мишка, которого я вчера согрела, лежал рядом — и уже снова покрылся инеем.

— Привет, — тихо сказала я.

Мия вздрогнула и обернулась. В её глазах мелькнул страх, но тут же сменился настороженностью.

— Можно войти?

Она кивнула.

Я вошла и прикрыла за собой дверь. В детской было холодно — градусов пять, не больше. Сосульки в углу подросли за ночь, а на подоконнике лежал свежий снег.

— Как спалось? — спросила я, присаживаясь на корточки рядом с кроватью.

Мия пожала плечами.

— Мне тоже часто снится ерунда, — сказала я. — Осо-

бенно когда холодно. Холод вообще плохо влияет на сны. Делает их тревожными.

Мия посмотрела на меня с интересом.

— Вот представь, — продолжила я, — если бы тебе было тепло и уютно, тебе бы снились цветочные поляны и сладкие сны про пирожные. А так... снятся, наверное, снежные бури?

Мия снова кивнула, но уже чуть более активно.

— Знаешь что? — я понизила голос до шёпота. — А давай мы с тобой немножко нарушим правила?

В глазах Мии мелькнул испуг. Она мотнула головой.

— Тихо-тихо, — я погладила её по плечу. — Не бойся. Мы сделаем это так, что никто не узнает. Это будет наш маленький секрет. Ты умеешь хранить секреты?

Мия подумала и кивнула.

— Умница. Тогда смотри.

Я оглядела комнату в поисках подходящего объекта. Взгляд упал на чайник, стоящий на маленьком столике. Видимо, предыдущая няня оставила.

— Смотри внимательно, — сказала я. — Сейчас будет фокус.

Я подошла к столику и положила ладонь на чайник. Магия потекла тёплым золотистым светом — я специально сделала его видимым, чтобы Мия могла увидеть.

Чайник вздрогнул, крикнул и вдруг запел.

Это была простая мелодия, что-то вроде детской песенки, которую я слышала когда-то в Академии. Чайник выводил её

тоненьким голоском, иногда фальшивя, но очень старательно.

Мия распахнула глаза.

— Он... поёт? — прошептала она.

Голос у Мии оказался тихим, но очень приятным — тоненький колокольчик.

— Ага, — кивнула я. — Это я его научила. Хочешь, он и для тебя споёт?

Мия замялась, но потом кивнула.

Я поманила её рукой. Мия слезла с кровати и подошла, ступая босыми ножками по ледяному полу. Я поморщилась — ну нельзя же так ребёнка!

— Дотронься до чайника, — сказала я. — Только не бойся, он тёплый.

Мия протянула руку и коснулась блестящего бока. Чайник запел громче и веселее.

— Ой! — выдохнула Мия и отдёрнула руку, но тут же снова прикоснулась. — Он правда поёт!

— А ты думала! — засмеялась я. — Чайники вообще очень музыкальные, просто стесняются обычно. Надо с ними ласково.

Чайник согласно звякнул крышечкой и исполнил руладу.

Мия заулыбалась — впервые за утро настоящей улыбкой. У неё были ямочки на щеках, совсем как у отца, только у лорда Ветрогона я эти ямочки вряд ли когда-нибудь увижу.

— А ещё что-нибудь можешь? — спросила Мия.

— Могу, — загадочно сказала я. — Но для этого нам нужно лечь обратно в кроватку. Идём.

Мы забрались на кровать. Мия послушно легла и накрылась одеялом. Одеяло было тонким, шерстяным, но совершенно ледяным.

— Сейчас будет самое интересное, — сказала я. — Только ты не пугайся, ладно?

Мия кивнула, но вцепилась в мишку покрепче.

Я положила руку на одеяло и начала греть его. Медленно, постепенно, чтобы Мия чувствовала, как тепло разливается по ткани.

— Чувствуешь? — спросила я.

— Ага... — Мия прикрыла глаза. — Тепло.

— Это моя магия. Она называется «усиление уюта». Я делаю так, чтобы вещам и людям было хорошо. Чтобы им хотелось улыбаться.

— А почему папа не улыбается? — вдруг спросила Мия.

Я замерла. Вопрос был неожиданным и сложным.

— Ну... — я замялась. — Наверное, потому что ему грустно. Очень грустно. Ты знаешь, почему ему грустно?

Мия кивнула.

— Мама умерла. Я помню немножко. Она была тёплая. И папа тогда был тёплый. А потом мамы не стало, и папа стал холодный. И я тоже стала холодная.

У меня сжалось сердце. Маленький ребёнок, и такие мысли...

— Мия, — сказала я осторожно. — Ты не холодная. Ты просто замёрзла. А это разные вещи.

— Но когда я радуюсь, идёт снег, — возразила Мия. — Папа говорит, что я должна быть спокойной, чтобы не было бури.

— Какая буря? — не поняла я.

— Если я сильно радуюсь или сильно грущу, у меня магия просыпается. И тогда в комнате снег идёт. Папа говорит, это опасно. Надо быть спокойной.

Я представила себе эту картину: маленькая девочка, которая боится радоваться, потому что от радости идёт снег. И боится грустить — по той же причине. Замкнутый круг.

— Мия, — сказала я твёрдо. — Твой папа, конечно, умный человек. Но в одном он точно ошибается.

— В чём? — испугалась Мия.

— Радоваться — это никогда не опасно. Даже если от радости идёт снег. Снег — это красиво. Это не страшно.

— Но папа говорит...

— А давай мы с тобой сделаем так, — перебила я. — Если тебе захочется радоваться — радуйся. А я буду рядом и буду делать так, чтобы твой снег был тёплым и пушистым. Договорились?

Мия посмотрела на меня с сомнением.

— А ты сможешь?

— Я — маг уюта, — гордо сказала я. — Я вообще много чего могу. Хочешь, докажу?

Мия кивнула.

Я легла рядом с ней, накрылась тем же одеялом и начала греть его уже сильнее. Тепло разливалось по кровати, пропитывая подушки, матрас, даже плюшевого мишку. Мия блаженно зажмурилась.

— Как в печке, — прошептала она.

— Ага. Только без огня. Моя магия — огня не боится. Она просто... греет.

Мы лежали так минут десять. Я грела одеяло, Мия грелась. Потом она вдруг хихикнула.

— Что? — спросила я.

— Мишка... — она показала на игрушку. — У него глазки растаяли. Он теперь щурится.

Я посмотрела — действительно, плюшевый мишка, который до этого смотрел на мир стеклянными глазками-бусинками, теперь выглядел так, будто довольно жмурится от удовольствия.

— Он счастлив, — сказала я. — Ему нравится, когда тепло.

— И мне нравится, — тихо сказала Мия.

И тут это случилось.

С потолка начал падать снег.

Лёгкий, пушистый, искрящийся. Он кружился в воздухе, оседал на одеяле, на наших волосах. Мия испуганно вжалась в подушку.

— Ой... я не хотела... я же просто радуюсь... папа будет

ругаться...

— Тихо-тихо, — я обняла её. — Смотри.

Я подняла руку и поймала снежинку. Она растаяла у меня на ладони, превратившись в капельку воды.

— Видишь? Это просто снег. Красивый, пушистый. Он не кусается, не бьётся. Он просто падает. А знаешь, что бывает, когда падает снег?

Мия мотнула головой.

— Бывает зима. А зима — это время, когда можно играть в снежки, лепить снеговиков и пить горячее какао. Вот.

— А здесь можно лепить снеговиков? — спросила Мия.

— Можно. Но сначала нам нужно убрать снег, пока папа не увидел. А то он, может, не поймёт, что это снег радости.

Мы быстро, хихикая, принялись смахивать снег с кровати на пол. Потом я собрала его в кучку и задумалась.

— Снег просто так исчезнуть не может, — сказала я. — Но я могу сделать из него что-нибудь полезное. Например...

Я поколдовала над снежком, и он превратился в маленькую вазочку. Прозрачную, хрустальную, красивущую.

— Ого! — восхитилась Мия. — Это магия?

— Это магия перевоплощения. Не моя, правда. Я просто попросила снег стать вазочкой. Он согласился.

— А почему он согласился?

— Потому что снег — он тоже живой, по-своему. Если с ним ласково, он всё что угодно сделает.

Мия взяла вазочку в руки, повертела так и сяк.

— Маме бы понравилось, — вдруг сказала она.

Я замерла.

— Думаешь?

— Ага. Она любила красивое. У неё были шкатулочки, вазочки, серёжки. Папа говорит, она была как цветок. Только замёрзла.

— Как это — замёрзла?

Мия пожала плечами.

— Не знаю. Папа не рассказывает. Просто говорит, что она ушла в метель и не вернулась. И что это он виноват.

Вот это поворот. Я поняла, что коснулась чего-то очень личного и очень болезненного.

— Мия, — сказала я осторожно. — Что бы там ни случилось, это точно не твоя вина. И не думаю, что папа виноват. Просто иногда случаются... несчастные случаи.

Мия кивнула, но по её лицу было видно, что она не очень понимает.

— Ладно, — я встряхнулась. — Давай-ка мы эту вазочку поставим на окошко. Пусть стоит, радуется.

Мы поставили вазочку на подоконник. Сквозь прозрачный лёд было видно, как за окном падает настоящий снег.

— Красиво, — сказала Мия.

— Очень, — согласилась я.

В дверь постучали.

Я подскочила как ужаленная. Мия тоже испугалась.

— Кто там? — спросила я дрожащим голосом.

— Марта, — раздался сухой голос. — Завтрак. Лорд велел кормить детей строго по расписанию. Сейчас без пяти восемь. Прошу пожаловать на кухню.

Я выдохнула.

— Идём, Мия. Одевайся.

Мия быстро натянула платице, и мы вышли в коридор. Марта ждала нас с каменным лицом.

— Доброе утро, — вежливо сказала я.

— Утро добрым не бывает, — отрезала Марта. — Потопрапливайтесь.

Мы пошли за ней к лестнице. По пути Марта вдруг остановилась и принялась.

— Чем это пахнет? — спросила она.

— Чем? — невинно поинтересовалась я.

— Теплом, — сказала Марта. — Пахнет теплом. Вы что, топили в детской?

— Нет, что вы, — соврала я с самым честным лицом. — Просто мы с Мией играли. От игр всегда теплее.

Марта подозрительно посмотрела на меня, но промолчала.

На кухне уже ждал Грегор с полным подносом. Каша, булочки, ягоды, молоко.

— О! Наша маленькая принцесса! — обрадовался он. — Как спалось?

— Хорошо, — тихо сказала Мия. — Тепло.

Грегор удивлённо поднял бровь, но комментировать не

стал.

Мы уселись за тот же столик в углу. Мия ела с аппетитом, даже больше, чем вчера. Я пила чай и наблюдала за ней.

— Знаешь, — сказала я вдруг. — А давай после завтрака что-нибудь придумаем?

— Что? — заинтересовалась Мия.

— Ну, не знаю. В прятки поиграем? Или книжки почитаем? У тебя есть книжки?

Мия кивнула.

— Машины. Папа разрешает читать, но только тихо.

— А мы будем тихо, — пообещала я. — Даже очень тихо. Как мышки.

Мия улыбнулась.

После завтрака мы вернулись в детскую. Мия достала из шкафа стопку книг.

Это были настоящие сокровища. «Сказки северного ветра», «Приключения ледяного дракона», «Как подружиться со снежной королевой». Все книги были с картинками, красивыми, яркими.

— Красивые, — сказала я. — Твоя мама их выбирала?

— Да. Она читала мне перед сном. Пока не... — Мия замолчала.

— Хочешь, я прочитаю?

Мия кивнула и забралась на кровать. Я села рядом, укрыла нас одеялом (которое предварительно согрела) и открыла первую книгу.

— Жил-был на севере ледяной дракон, — начала я. — И была у него чешуя из чистого снега, а глаза горели холодным пламенем...

Я читала, а Мия слушала, прижавшись ко мне. Через полчаса она задремала. Я аккуратно закрыла книгу и посмотрела на неё.

Спящая Мия была похожа на ангелочка. Тёмные ресницы, пухлые щёчки, чуть приоткрытый рот. И никакого снега вокруг — только тишина и покой.

— Ты хорошая, — прошептала я. — И папа твой хороший, просто несчастный. Мы что-нибудь придумаем.

Я сама не заметила, как задремала рядом с ней.

Разбудил меня звук открывающейся двери.

Я вздрогнула и открыла глаза. В дверях стоял лорд Ветрогон.

Выглядел он... странно. Не таким ледяным, как обычно. В его взгляде мелькнуло что-то, похожее на удивление, когда он увидел нас — меня и Мию, спящих в обнимку под одним одеялом.

— Что здесь происходит? — спросил он тихо, но от этого тихого голоса мороз пробежал по коже.

— Ми... Мия уснула, — прошептала я, стараясь не разбудить девочку. — Я читала ей, и она уснула.

— Под одним одеялом? — его бровь поползла вверх.

— Ей было холодно, — так же шёпотом ответила я. — Я грела.

Он подошёл ближе и посмотрел на дочь. Его лицо на секунду смягчилось — всего на секунду, но я успела заметить.

— Она спит, — сказал он. — Обычно она плохо спит днём. Просыпается от каждого шороха.

— Сегодня не проснулась, — сказала я.

Лорд Ветрогон посмотрел на меня. В его взгляде читалась сложная гамма чувств — от подозрения до... надежды? Но он быстро справился с собой.

— Встаньте, — приказал он. — И выйдите. Нам нужно поговорить.

Я осторожно высвободилась из-под одеяла, стараясь не разбудить Мию. Девочка только вздохнула во сне и прижалась к мишке.

Мы вышли в коридор. Лорд закрыл дверь и повернулся ко мне.

— Что вы сделали?

— В смысле? — я постаралась изобразить максимальное непонимание.

— Мия не спит днём с тех пор, как... — он запнулся. — С тех пор. Она боится. У неё кошмары. А сегодня она спит. И у неё на лице улыбка. Что вы сделали?

Я глубоко вздохнула. Говорить правду или снова соврать про «просто читала книжку»? Но этот человек явно не дурак. И он любит дочь, как бы странно это ни выглядело со стороны.

— Я согрела её, — честно сказала я. — Не сильно, чуть-

чуть. Чтобы ей было уютно. И читала сказки. А ещё мы разговаривали.

— О чём?

— О маме. О снеге. О том, что радоваться не страшно, даже если от радости идёт снег.

Лицо лорда дёрнулось.

— Я запретил вам...

— Вы запретили мне лезть в вашу душу, — перебила я. — Про Мию там ничего не было. И потом, она сама начала. Она спросила, почему вы не улыбаетесь. Что мне было — молчать?

Он замолчал. Долго смотрел на меня. Я уже начала привыкать к этому взгляду — он не был злым, он был... изучающим. Как будто он пытался понять, кто я такая и чего от меня ждать.

— Мия... она сказала что-то ещё? — спросил он наконец.

— Сказала, что вы были тёплым, когда мама была жива. А теперь стали холодным. И она тоже стала холодной, потому что боится вас расстроить.

Лорд Ветрогон закрыл глаза. На секунду мне показалось, что он сейчас... расплачется? Но нет. Когда он открыл глаза, они были сухими и холодными как лёд.

— Следуйте правилам, няня, — сказал он глухо. — И не смейте обсуждать с ребёнком то, что вас не касается.

— Это касается Мии. А Мия — моя работа.

Он резко развернулся и ушёл. Быстро, почти бегом. Я

смотрела ему вслед и думала: «Чёрт, а ведь он совсем не чудовище. Он просто разбитый человек, который не знает, как собрать себя заново».

Вечером, когда Мию уложили спать (я снова согрела одеяло, но на этот раз осторожнее), я сидела в своей комнате и разговаривала с пуговицей.

— Ты сегодня была молодцом, — сказала пуговица. — Я горжусь.

— Спасибо, — вздохнула я. — Но лорд... он такой сложный. Как ледяная глыба. И внутри, кажется, что-то живое есть, но снаружи не пробиться.

— А ты не пробивайся, — посоветовала пуговица. — Ты грей потихоньку. Лёд сам растает, если тепло будет постоянным.

— Ты прямо философ, — улыбнулась я.

— Я просто пуговица, которая много видела. На чьей только одежде я не болталась! И на пальто у влюблённых студентов, и на мундире у генерала, и даже на плаще одного принца. Люди везде одинаковые — все хотят любви и тепла, просто не все умеют просить.

Я задумалась. Пуговица была права.

Зайка из рюкзака высунул голову.

— Как вкусно пахнет! — заявил он.

— Чем на этот раз?

— Добротой, — сказал Зайка и довольно зажмурился.

— Ну, хоть кто-то в этом доме чувствует запах добра, —

усмехнулась я.

Я легла на кровать, уставилась в потолок и стала думать о завтрашнем дне. Что я могу сделать для Мии? Как помочь ей не бояться своих чувств? И как достучаться до её отца, не нарушая правил?

Ответа пока не было. Но было тёплое чувство внутри — сегодня я сделала маленькую девочку чуточку счастливее. А это уже кое-что.

Среди ночи я проснулась от странного звука.

Кто-то плакал.

Тихо, жалобно, стараясь, чтобы никто не услышал.

Я вскочила и выбежала в коридор. Плач доносился из детской.

Я влетела в комнату и увидела Мию. Она сидела на кровати, обхватив колени руками, и плакала. Слёзы замерзли на щеках, превращаясь в маленькие льдинки.

— Мия! Что случилось?

— Мне... мне приснилось... — всхлипывала она. — Что мама уходит в метель... и папа плачет... а я одна...

Я села рядом и обняла её. Крепко-крепко.

— Тихо, маленькая. Это просто сон. Я здесь. Ты не одна.

Мия прижалась ко мне, и я снова включила свою магию на полную. Вокруг нас образовался тёплый кокон, в котором даже слёзы не замерзали.

Мы сидели так долго. Мия постепенно успокоилась и снова задремала, но уже у меня на руках.

Я не стала её класть. Так и сидела, баюкая, пока за окном не начало светать.

Когда первые лучи солнца (точнее, то серое свечение, которое здесь называли утром) коснулись горизонта, я осторожно положила Мию в кроватку и укрыла согретым одеялом.

— Спи, малышка, — прошептала я. — Всё будет хорошо. И вышла в коридор.

Там, прислонившись к стене, стоял лорд Ветрогон.

— Сколько вы здесь стоите? — прошептала я.

— Долго, — так же тихо ответил он. — Слышал плач. Пришёл. А потом увидел, как вы её успокаиваете.

— Почему не вошли?

— Не хотел мешать.

Мы смотрели друг на друга в полумраке коридора. И впервые в его глазах я не увидела льда. Там была усталость. Боль. И, кажется, благодарность.

— Спасибо, — сказал он одними губами.

Я кивнула.

— Это моя работа.

И пошла к себе в комнату.

Но засыпая, я всё думала о его глазах. Такие красивые... и такие грустные. Интересно, можно ли согреть человека, который так старательно превратил себя в ледяную статую?

Пуговица в кармане промолчала. Но я знала, что она думает то же, что и я: «Попробовать стоит».

Глава 4

Я проснулась с твёрдым убеждением, что сегодняшний день будет особенным.

Во-первых, потому что за окном впервые за всё время моего пребывания в поместье показалось солнце. Ну, как показалось — скорее, серая муть немного посветлела, но для Ледяных Утёсов это было событие космического масштаба.

Во-вторых, потому что пуговица с утра была подозрительно молчалива. А когда пуговица молчит, значит, либо она задумала что-то нехорошее, либо ждёт, что я что-то задумаю.

— Ты чего молчишь? — спросила я, натягивая платье.

— Думаю, — ответила пуговица.

— О чём?

— О том, что ты уже три дня здесь, а до сих пор не сделала ничего грандиозного.

— Я?! — возмутилась я. — Я согрела ребёнка, подружилась с ней, успокоила ночной кошмар, чуть не довела лорда до слёз разговором — и это ничего грандиозного?

— Это работа, — философски заметила пуговица. — А грандиозное — это когда после тебя остаётся след. Когда дом меняется. Ты пока только в детской хозяйничаешь.

Я задумалась. А ведь пуговица права. Я сижу в детской, грею Мию, читаю ей книжки, а остальное поместье так и остаётся ледяным моргом. Марта ходит с постным лицом,

Грегор готовит еду в одиночестве на кухне, а лорд Ветрогон сидит в своём кабинете и, судя по звукам, которые иногда доносятся оттуда, разговаривает со стенами.

— Надо что-то делать, — решила я.

— Что именно? — заинтересовалась пуговица.

— Не знаю. Но что-то тёплое. Что-то, что объединит всех.

В этот момент в дверь постучали.

— Войдите!

Вошла Мия. Сама. Впервые за три дня она пришла ко мне без провожатых.

— Лиана, — сказала она тихо. — А можно мы сегодня... ну... что-нибудь сделаем?

— Что именно?

— Не знаю. Что-нибудь вкусное. Грегор сказал, у него на кухне есть мука и сахар. И ягоды замёрзшие. Можно... печенье?

У меня в голове щёлкнуло. Вот оно! То самое грандиозное!

— Мия, ты гений! — я подхватила её на руки и закружила. — Печенье! Конечно, печенье! Что может быть уютнее, чем печенье?

Мия засмеялась — тихо, но искренне. И тут же испуганно замерла, ожидая, что сейчас пойдёт снег.

Но снега не было.

— Видишь? — я поставила её на пол. — Снег идёт только тогда, когда ты боишься. А когда радуешься — всё нормаль-

но. Потому что радость — она тёплая, она не замерзает.

— Правда? — глаза Мии расширились.

— Проверим? — я подмигнула. — Идём на кухню, пока твой папа не проснулся.

Грегор встретил нас с распростёртыми объятиями. Буквально — он раскинул руки и чуть не раздавил нас в медвежьих объятиях.

— Девочки мои! — загудел он. — Няня! Мия! Что случилось? Голодны?

— Мы печенье хотим печь! — выпалила Мия. Впервые при постороннем она сказала целую фразу.

Грегор даже попятился от удивления.

— Мия? Ты заговорила?

— Я всегда говорила, — смутилась девочка. — Просто тихо.

— Ну, дела... — Грегор посмотрел на меня с уважением. — Вы, няня, видно, и правда волшебница.

— Я просто тёплая, — улыбнулась я. — Так что насчёт печенья?

— Всё что хотите! — Грегор засуетился, доставая с полок муку, сахар, масло. — Ягод вам принесу, самых лучших. И формочки у меня есть — звёздочки, сердечки, снежинки.

— Снежинки! — обрадовалась Мия. — Я хочу снежинки!

Мы уселись за большой кухонный стол. Грегор насыпал муку горкой, сделал в ней углубление, разбил яйца — всё как полагается.

— Смотри, Мия, — показывала я. — Сначала мы делаем колодец в муке. Чтобы яйцам было удобно.

— Им там не холодно? — спросила Мия серьёзно.

— Мы их согреем, — заверила я. — Смотри.

Я запустила руки в тесто и включила магию совсем чуть-чуть. Тесто стало тёплым, эластичным, приятным на ощупь.

— Ой, оно живое! — восхитилась Мия, тоже запуская руки. — Оно тёплое!

— Тесто всегда тёплое, если его любишь, — сказала я. — А если не любишь — оно комками получается.

Мы месили тесто, хохотали, перепачкались в муке с ног до головы. Грегор подкидывал дрова в печь и довольно улыбался, глядя на нас.

— Давно здесь такого не было, — сказал он. — Смеха, то есть. С тех пор как...

Он не договорил, но мы и так поняли.

Мия на секунду загрустила, но я быстро отвлекла её:

— А давай сделаем печенье не только снежинками, но и... зайчиками?

— Зайчиками! — засияла Мия. — Как твой Зайка?

— Ага. Только ты никому не говори, что он у меня есть. Ладно?

— А почему?

— Потому что он секретный. Боевой заяц-невидимка.

Мия захихикала и приложила палец к губам.

— Буду молчать!

Когда печенье отправилось в печь, Грегор достал с полки пузырёк с тёмной жидкостью.

— Ваниль, — сказал он. — Настоящая, из южных королевств. Леди любила, когда в доме пахло ванилью. Говорила, это запах уюта.

Я взяла пузырёк, открыла крышку и вдохнула. Запах был божественный — тёплый, сладкий, обволакивающий.

— Можно я добавлю в печенье? — спросила я.

— Конечно. Леди была бы рада.

Я аккуратно капнула несколько капель в тесто, и кухню заполнил аромат.

Мия закрыла глаза и улыбнулась.

— Мама так пахла, — сказала она тихо. — Когда обнимала меня.

У меня защипало в глазах. Я обняла Мию одной рукой, продолжая мешать тесто другой.

— Значит, мы сегодня печём мамино печенье, — сказала я. — Самое лучшее.

Печенье пеклось, аромат разносился по всей кухне, и даже суровая Марта, заглянувшая на огонёк, пару раз глубоко вдохнула и ушла с чуть менее каменным лицом.

— Прогресс, — шепнула пуговица из кармана.

— Тсс, — ответила я.

Когда печенье испеклось, мы выложили его на большое блюдо. Золотистое, румяное, пахнущее ванилью и счастьем. Снежинки, звёздочки, сердечки и кривоватые зайцы (Мия

старалась, но пока не очень ровно получалось).

— А можно попробовать? — спросила Мия, облизываясь.

— Нужно! — сказала я и протянула ей самую красивую снежинку.

Мия откусила кусочек и зажмурилась от удовольствия.

— Вкусно-о-о...

И тут она засмеялась.

Не тихо, не испуганно, а громко, звонко, по-настоящему. Смех разлетелся по кухне, отразился от стен, ворвался в коридор.

— Смеётся, — прошептал Грегор и перекрестился. — Впервые за два года смеётся.

Я смотрела на Мию и чувствовала, как моё сердце растёт от счастья.

— Ещё! — потребовала Мия, протягивая руки к печенье. — Хочу ещё!

— А хочешь, мы папе отнесём? — предложила я. — Он тоже, наверное, любит печенье.

Мия замерла.

— Папа... он не ест сладкое.

— С каких пор?

— С тех пор, как мамы не стало. Он говорит, что сладкое только для тех, у кого есть радость.

— У него есть радость, — твёрдо сказала я. — Ты. Ты его радость. Просто он забыл об этом. Мы ему напомним. Хорошо?

Мия задумалась, потом решительно кивнула.

Мы сложили самые красивые печенья на отдельную тарелочку, украсили ягодами и отправились на поиски лорда Ветрогона.

Лорд был в своём кабинете. Мы узнали это по звукам — оттуда доносилось что-то похожее на шум ветра и скрежет льда.

— Он работает, — прошептала Мия, испуганно глядя на дверь.

— Ничего, — сказала я. — Работа подождёт.

Я постучала.

Тишина. Потом шум ветра усилился.

— Лорд Ветрогон? — позвала я. — Мы принесли вам кое-что.

Дверь распахнулась.

Он стоял на пороге — взъерошенный, бледный, с тёмными кругами под глазами. Видимо, опять не спал ночью. В кабинете за его спиной было темно и холодно — я увидела, что стены покрыты толстым слоем льда, а на столе лежат замёрзшие бумаги.

— Что вы здесь делаете? — рявкнул он. — Я же запретил вас беспокоить!

— Мы не беспокоим, — спокойно сказала я. — Мы принесли вам подарок.

Мия протянула вперёд тарелку с печеньем. Её руки чуть дрожали, но она держалась молодцом.

— Папа... это мы сами испекли. С ванилью. Как мама любила.

Лорд Ветрогон замер.

Он смотрел на тарелку, на печенье, на дочь. Его лицо дёрнулось. Я видела, как внутри него борется ледяная маска с чем-то живым, тёплым, настоящим.

— Я... не ем сладкого, — выдавил он наконец.

— Но мы старались, — сказала Мия, и в её голосе задрожали слёзы.

— Мия, — я присела рядом с ней. — Всё хорошо. Папа просто устал. Давай оставим печенье здесь, а когда он захочет — съест.

— Но я хочу, чтобы он съел сейчас! — в Мии проснулся характер. — Я хочу, чтобы ему было вкусно! Чтобы он улыбнулся! Почему он никогда не улыбается?!

И тут пошёл снег.

Настоящий снегопад — прямо в коридоре. Хлопья падали с потолка, кружились в воздухе, оседали на полу, на нас, на лорде Ветрогоне.

— Мия, успокойся! — рявкнул он.

— Нет! — закричала девочка. — Ты всегда говоришь «успокойся»! А я не хочу успокаиваться! Я хочу, чтобы ты был как раньше!

Снег усилился. Стало холодно — даже я, с моим иммунитетом, почувствовала, как температура падает.

— Мия, — я взяла её за руку. — Посмотри на меня. Ды-

ши. Вдох-выдох. Мы же не хотим, чтобы здесь всё замёрзло?

Мия всхлипнула, но послушалась. Снегопад начал стихать.

— Умница, — я погладила её по голове. — А теперь давай уберём это всё, пока мы не превратились в сосульки.

Я щёлкнула пальцами — и моя магия разлилась по коридору тёплой волной. Снег на полу растаял, превратившись в воду, а потом вода испарилась. Холод отступил.

Лорд Ветрогон смотрел на меня. В его глазах было что-то странное — не гнев, не раздражение, а... изумление.

— Вы можете контролировать её магию? — спросил он тихо.

— Я могу её согревать, — ответила я. — Магия льда — она же тоже от чувств. Если чувства тёплые, лёд тает. Если холодные — растёт.

— Откуда вы это знаете?

— Я маг уюта, — просто сказала я. — Моя специализация — эмоциональный климат.

Он замолчал. Потом перевёл взгляд на Мию.

— Иди в детскую, — сказал он устало. — Мне нужно поговорить с няней.

Мия испуганно посмотрела на меня.

— Иди, малышка, — я улыбнулась ей. — Я скоро приду. И печенье захвати — мы ещё поедим.

Мия взяла тарелку и убежала, оставляя за собой мокрые следы на полу.

Мы остались вдвоём.

Лорд Ветрогон жестом пригласил меня в кабинет.

Я вошла и поёжилась. Здесь было по-настоящему холодно — даже для меня. Стены блестели от льда, на потолке висели сосульки, а изо рта шёл пар.

— Садитесь, — он указал на стул.

Я села. Стул был ледяным. Я быстро согрела его незаметно.

— Что вы делаете с моей дочерью? — спросил он без преисловий.

— Забочусь, — ответила я.

— Вы заставляете её чувствовать. Это опасно.

— Чувствовать — не опасно. Опасно — не чувствовать. Тогда человек превращается в... — я оглядела кабинет, — в это.

Он прищурился.

— Вы на что-то намекаете?

— Я ничего не намекаю. Я говорю прямо. Вы превратили дом в ледник, дочь — в молчаливую тень, а себя — в ледяную статую. Потому что боитесь чувствовать. Потому что боль слишком сильная. Я понимаю.

— Ничего вы не понимаете, — отрезал он. — Вы не знаете, что я потерял.

— Не знаю, — согласилась я. — Но я вижу, что вы теряете сейчас. Мию. Она тянется к вам, а вы отталкиваете. Ей пять лет. Ей нужен отец, а не ледяной монстр.

Он вскочил.

— Вон! — рявкнул он. — Вон из моего кабинета! И если вы ещё раз посмеете...

— Что? — я тоже встала. — Уволите? Давайте. Но сначала ответьте на один вопрос.

— На какой?

— Почему на подоконнике в детской подтаял лёд?

Он замер.

— Что?

— В детской, — повторила я. — На подоконнике. Там, где вы стояли сегодня ночью, когда слушали, как я успокаиваю Мию. Лёд подтаял. От вашего тепла.

— У меня нет тепла, — прошептал он.

— Есть. Просто вы его заморозили. Но оно никуда не делось. Оно внутри. И когда вы смотрите на дочь, когда слышите её смех — лёд тает. Хотите вы этого или нет.

Он молчал. Смотрел на меня так, будто я только что сказала ему страшную тайну.

— Вы... вы не можете этого знать, — выдавил он.

— Я маг уюта, — повторила я. — Я вижу тепло. Даже там, где его пытаются спрятать. И я вижу, что вы — не злой. Вы просто очень, очень несчастный человек.

Тишина повисла в кабинете. Ледяная, тяжёлая.

Потом он сел. Уронил голову на руки и замер.

Я стояла и смотрела на него. Хотелось подойти, обнять, согреть. Но нельзя. Он не разрешит. Он пока не готов.

— Идите, — сказал он глухо. — Присмотрите за Мией. Я вышла. Но перед тем, как закрыть дверь, обернулась.

— Печенье попробуйте, — сказала я тихо. — Мия старалась. Ей будет приятно.

И закрыла дверь.

Мия сидела на кровати и смотрела на тарелку с печеньем. Увидев меня, она встрепенулась.

— Ты вернулась! Папа злится?

— Нет, малыш. Папа не злится. Папа... думает.

— О чём?

— О том, как важно иногда есть печенье, — улыбнулась я. — А давай мы ему оставим немного? На столике в коридоре? Чтобы он, если захочет, мог взять.

Мия подумала, потом кивнула и отложила три самых красивых печенья.

— Для папы, — сказала она серьёзно. — Пусть попробует. Я обняла её.

— Из тебя растёт замечательный человек, Мия Ветрогон. Запомни это.

Она уткнулась носом мне в плечо и вздохнула.

— А можно мы завтра ещё что-нибудь испечём?

— Всё что захочешь, — пообещала я. — Хоть каждый день.

— А папу позовём?

— Обязательно.

Мия задумалась, потом посмотрела на меня хитрыми гла-

зами:

— А можно мы сделаем печенье с сюрпризом?

— Это как?

— Ну... положим внутрь что-нибудь. Записку. С добрыми словами.

— Гениально! — я чмокнула её в макушку. — Мы сделаем печенье с предсказаниями. Только хорошими.

Мы проговорили до самого вечера, придумывая, какие записки можно положить в печенье. «Ты самый лучший папа». «Сегодня будет тёплый день». «Кто съест это печенье — тот улыбнётся».

Когда я укладывала Мию спать, она вдруг спросила:

— Лиана, а ты останешься с нами надолго?

— На сколько сможешь меня терпеть, — улыбнулась я.

— Навсегда, — серьёзно сказала Мия. — Я буду терпеть тебя навсегда.

У меня снова защипало в глазах.

— Спи, малыш. Я рядом.

Среди ночи я снова проснулась.

Тишина в поместье стояла звенящая. Но что-то было не так. Я прислушалась — шаги. Кто-то ходил по коридору.

Я осторожно встала и выглянула за дверь.

По коридору шёл лорд Ветрогон. В одной руке он нёс тарелку — ту самую, с папиным печеньем. На тарелке осталось только одно.

Он шёл к детской.

Я спряталась за косяк и наблюдала.

Он открыл дверь детской, вошёл. Через минуту вышел. На тарелке было пусто.

Он прошёл мимо меня, не заметив. И тут я увидела — краем глаза — его лицо в свете луны.

Он улыбался.

Чуть-чуть. Самую малость. Но улыбался.

Когда он скрылся за поворотом, я выдохнула.

— Пуговица, — прошептала я. — Ты видела?

— Видела, — ответила пуговица. — Лёд тронулся.

— Кажется, да.

Я вернулась в комнату, легла на кровать и долго смотрела в потолок.

Завтра будет новый день. И, кажется, он будет ещё интереснее.

Утром я проснулась от того, что кто-то тихонько стучал в дверь.

— Войдите!

Вошла Мия. В руках она держала тарелку с печеньем — на этот раз только одно, самое красивое.

— Смотри! — прошептала она с сияющими глазами. — Папа съел!

— Я знаю, — улыбнулась я.

— Откуда?

— Видела ночью. Он улыбался.

Мия взвизгнула от радости и бросилась мне на шею.

— Он улыбался! Он улыбался! Лиана, ты волшебница!

— Это ты волшебница, — сказала я. — Ты и твоё печенье.

Мы сидели обнявшись, и за окном медленно, но верно поднималось солнце.

Настоящее солнце. Впервые за долгое время в Ледяных Утёсах.

— Смотри, — показала я Мие на окно. — Солнце.

— Оно греет? — спросила девочка.

— Оно старается, — ответила я. — Как мы.

Мия засмеялась, и на этот раз снег не пошёл. Вместо снега на подоконнике распустился маленький ледяной цветок.

Красивый, нежный, хрупкий.

— Это магия, — прошептала Мия.

— Это любовь, — поправила я. — Самая сильная магия в мире.

И мы пошли завтракать, оставив цветок цвести на подоконнике.

Глава 5

Всё началось с того самого списка правил.

Я перечитывала его уже в пятый раз, лёжа в кровати и пытаюсь понять, как можно жить по такому расписанию и не сойти с ума. Пятьдесят пунктов убористым почерком — и это только общие правила. Отдельным приложением шёл «Распорядок дня для ребёнка».

Я зачитала вслух самые «вкусные» места:

— «7:00 — подъём. 7:15 — умывание холодной водой. 7:30 — завтрак. Меню: овсяная каша на воде, без сахара, без масла, без ягод. 8:00 — развивающие занятия: изучение свойств льда и снега...»

Пуговица в кармане пискнула:

— Без ягод? Это же издевательство!

— Это расписание, — вздохнула я. — Составленное человеком, который забыл, что такое радость.

— И что ты будешь делать?

— Не знаю. Но просто так я это не оставлю.

Я посмотрела на Зайку, который мирно дремал на стене (я научила его прилипать к обоям, чтобы не падать). Он что-то бормотал во сне про морковку.

Даже нарисованный заяц понимал, что ребёнку нужно нормальное питание. А лорд Ветрогон, гений магии льда, этого не понимал.

— Ладно, — сказала я решительно. — Будем действовать.
Ровно в 7:00 в коридоре раздался оглушительный звук гонга.

Я подскочила на кровати, чуть не свалившись на пол. Зайка с криком «Морковка!» отклеился от стены и шлёпнулся на подушку.

— Что это было? — простонала я, хватаясь за сердце.

— Гонг, — спокойно ответила пуговица. — К завтраку зовёт. По расписанию.

— Это не гонг, это пытка звуком! — я растирала уши. — Как можно так будить ребёнка? Он же испугается!

Я вскочила и побежала в детскую.

Мия сидела на кровати, зажав уши руками. В её глазах стояли слёзы.

— Лиана! — кинулась она ко мне, как только я вошла. — Страшно!

— Тихо-тихо, малыш, — я обняла её и прикрыла ладонями её уши. — Это просто гонг. Глупый, противный гонг. Мы его не любим, да?

Мия кивнула, всхлипывая.

— А давай мы сделаем так, — предложила я. — Когда ты просыпаешься, я буду петь тебе песенку. Тихую, добрую. А гонг пусть для папы остаётся. Ему, может, нравится.

— Папе нравится? — удивилась Мия.

— Папа забыл, что есть другие звуки, — уклончиво ответила я. — Но мы ему напомним. А сейчас — умываться?

Мия кивнула, и мы пошли умываться. Вода в кране была ледяной — я согрела её магией, делая вид, что так и надо. Мия довольно фыркала и плескалась.

— А каша будет? — спросила она, вытираясь полотенцем.

— Будет, — пообещала я. — Но не простая. Мы сегодня пойдём на кухню и попросим Грегора сделать кашу с ягодами. Хочешь?

— А можно? — глаза Мии загорелись. — Папа говорит, ягоды только по воскресеньям.

— А мы сделаем вид, что сегодня воскресенье, — подмигнула я.

Так началась моя партизанская война против расписания лорда Ветрогона.

На кухне кипела жизнь. Грегор колдовал над огромной кастрюлей, Марта раскладывала по тарелкам какие-то серые брикеты (позже я узнала, что это «диетическая каша без вкуса»), а в углу уже стоял поднос с завтраком для лорда — стакан воды и кусочек хлеба.

— Грегор! — радостно воскликнула я, входя с Мией. — А можно нам каши?

— Конечно, милочка, — улыбнулся повар. — Сейчас отолю из общей кастрюли.

— А можно не из общей? — я многозначительно посмотрела на него. — А можно отдельную? С молоком? И с ягодами? И с мёдом?

Грегор замер с половником в руке.

— С ягодами? — переспросил он. — Но лорд запретил...

— Лорд спит, — перебила я. — А дети должны есть вкусно. Иначе они не растут.

— Растут, — робко возразил Грегор. — На диетической каше тоже растут.

— Растут, но грустные, — я присела на корточки перед Мией. — Посмотри на неё. Разве она похожа на счастливого ребёнка?

Мия, почувствовав, что речь о ней, сделала максимально несчастное лицо. Я едва сдержала улыбку — актриса растёт!

Грегор посмотрел на Мию, на меня, на кастрюлю с диетической кашей, на полку с ягодами...

— Ладно, — махнул он рукой. — Но если лорд узнает — я ничего не знаю. Вы сами.

— Договорились!

Через десять минут мы с Мией сидели за маленьким столиком и ели самую вкусную кашу в мире. Грегор не поскупился — добавил и сливочного масла, и мёда, и целую горю замороженных ягод, которые от тепла каши становились мягкими и сладкими.

— Вку-у-усно, — тянула Мия, набивая рот. — Почему папа не разрешает такую?

— Папа просто забыл, как это вкусно, — ответила я. — Надо будет ему напомнить.

— А можно папе тоже сделать такую?

— Можно, — я задумалась. — Но сначала пусть привык-

нет к мысли, что каша может быть разной.

Мы доели, облизали ложки и отправились обратно в детскую — ровно к тому моменту, когда должен был начаться «развивающий час».

Согласно расписанию, с 8 до 9 утра Мия должна была изучать свойства льда и снега.

Я посмотрела на методические материалы, оставленные предыдущей няней. Там было написано что-то про кристаллические решётки, температуру замерзания и магические свойства ледяных структур.

— Это для пятилетнего ребёнка? — ужаснулась я.

— Папа говорит, я должна знать свои способности, — пожала плечами Мия.

— Знать — да. Но не так же!

Я убрала методички в сторону и села рядом с Мией.

— Скажи, а ты умеешь делать снежинки?

— Умею, — Мия сосредоточилась, и через секунду у неё на ладони появилась маленькая снежинка. Красивая, симметричная, идеальная.

— Ого! — восхитилась я. — А это ты сама придумала?

— Папа научил. Давно. Когда мама была жива.

— А что ещё умеешь?

Мия задумалась, потом показала: из снежинки получилась маленькая льдинка, потом снова снежинка, потом крошечный шарик.

— Я больше ничего не умею, — погрустнела она. — Папа

говорит, надо учиться, но у него нет времени.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.